

В январском номере ростовского литературно-художественного журнала «Дон» за 1961 год появилось стихотворение Юрия Кузнецова, написанное и того ранее – в 1959 году:

*Надо мною дымится пробитое пулями солнце.
Смотрит с фото отец, измотанный долгой бессонницей,
Поседевший без старости, в обожжённой измятой каске.
Он оставил мне Родину и зачитанных писем связку.*

*Я не помню отца, я его вспоминать не умею.
Только снится мне фронт и в горелых ромашках траншеи.
Только небо черно, и луну исцарапали ветки.
И в назначенный час не вернулся отец из разведки...*

*Мне в наследство достался неувиденный взгляд усталый
На почти не хрустящей фотокарточке старой.
За рекою в степи, как отцовские раны,
Молодые закаты горят, освещая курганы.*

Было это ровно 60 лет тому назад и как раз совпало с 20-летием поэта. В стихотворении уже заметен кузнецовский почерк: «дымится пробитое пулями солнце» и «он оставил мне Родину», «я его вспоминать не умею» и «луну исцарапали ветки», «невиденный взгляд» и «молодые закаты». И пусть рядом с этим обнаруживаются не нагруженные образным смыслом строки (не будем забывать, что поэт счастливо молод!), редакция сразу же определила, что никому неизвестный автор из Краснодара достоин публикации.

На ту пору юный Юрий Кузнецов, как отмечают библиографы, уже печатался, начиная с местной районной газеты и «Пионерской правды». Одно стихотворение «Последняя ночь» помечено 1955-58 годами., и это в нём, пожалуй, впервые возникает сквозная тема поэта – погибший отец, чьё невозвращение с войны определило не только житейскую, но и творческую судьбу его сына.

Он полз упрямо... Бомбами искомканный,
Передний край вставал, огнём паля.
Завыла мина. Брызнула осколками,
И зашатались небо и земля.

Поэт сам потом выскажется: «Воспоминания об отце, о минувшей войне – один из главных моих мотивов».

Рукопись стихов юного Кузнецова в конце 1957 года побывала даже в «Новом мире», хотя навряд ли дошла до главного редактора Константина Симонова, кому адресовалась с просьбой посмотреть. Это Прасолову, правда, позднее, в 1964 году, и уже с благословения вторично ставшего главредом журнала Александра Трифоновича Твардовского, довелось напечататься в знаменитом издании.

Посылал тогда он свои стихи из Тихорецка и в Краснодар в краевую газету «Комсомолец Кубани» с хрестоматийной строкой «Выщипывает лошадь тень свою». Прямых свидетельств того, как стихи Кузнецова попали в «Дон», не имеется. Скорее всего, это произошло по итогам краевого семинара молодых писателей летом 1960 года в столице Кубани. По датам совпадает. Но ведь публикации могло и не быть, кому не знакома на сей счёт редакционная специфика, когда редко кому есть дело до неизвестного автора, тем более начинающего.

После своего первого появления в толстом литературном журнале «Дон» с тиражом под 50 тысяч экземпляров, кажется,

других журнальных публикаций до ухода в армию в ноябре этого же года у Юрия Кузнецова не последовало.

Весьма любопытен будет следующий попутный факт. Через год в журнале «Дон» заявит о себе подборкой стихов молодой Борис Примеров. На это же время приходится и публикация в нашем журнале упомянутого выше Алексея Прасолова. Вот так совпало, так сошлись звёзды! Скажу ещё, что и в дальнейшем все упомянутые поэты в той или иной мере объявлялись на донских страницах.

Например, когда в ноябре 1987 года не стало Анатолия Передреева, то зав. отделом поэзии «Дона» Анатолий Гриценко, сам земляк-кубанец, позвонил Юрию Поликарповичу, и тот, отойдя от поминального стола, в трубку продиктовал Ростову только что написанные стихи памяти Передреева: «Он во сне перешёл свой предел...». Шла вёрстка январского номера 1988 год, и текст был заслан в набор...

Бессчётно цитируется стихотворение об отце.

*Не сняв ремней, он спит на нарах твёрдых,
На кулаке, что вмят в далёкий сон.
Играет славу год сорок четвёртый,
Раздавливая клавиши погон.*

Хочу здесь пояснить. Чаше встречается редакция «перебирая клавиши погон», но мне ближе и переворачивает душу «раздавливая», как прочёл в книге избранных стихотворений «Стихи» (изд-во «Советская Россия, 1978»). Есть в этом слове некая трагичность.

Пожалуй, ключом к постижению непохожести Юрия Кузнецова ни на кого может стать внешне неприметная первая строка следующего двустишия:

*От той взрывной волны, летящей круто,
Мать вздрогнет в тишине ещё не раз.*

Мне кажется, помимо всего прочего, образ взрывной волны можно считать определяющим для творчества поэта в целом, даже своеобразным движителем для его стихотворной мысли. Русской мысли, как он справедливо полагал. Удивительно, что при всей предметности, вещности стихи Юрия Кузнецова густо замешаны на вечных категориях времени и пространства. Приходит на ум теория рождения и эволюции расширяющейся

Вселенной после Большого взрыва, т. е. без влияния космоса не обойтись. Да и сам поэт недаром свидетельствовал о «космической туманности» некоторых строк о природе и человеческой душе».

Сын в поэме «Четыреста» следует завету: «– Иди куда глаза глядят, / Куда несёт порыв». А далее: «И подхватил его порыв / До керченских огней». Вначале движется вспять время, как будто взрывная волна включает обратный ход. И вот оживает Сапун-гора – та братская могила, где есть отец.

*И опоясалась гора,
Ногтями – семь цепей.
Дохнуло хрипкое «ура»,
Как огонь из-под ногтей.*

Сыновья доля – пройти отцовский путь до конца. Но и вернуться туда, откуда родом, где дом, где мать и где уже не чают встречи.

*Он вёл четыреста солдат
До милого крыльца.
Он вёл четыреста солдат
И среди них отца...*

*– Россия-мать, Россия-мать,–
Доныне сын твердит,–
Иди хозяина встречать,
Он под окном стоит.*

Балладный строй присущ многим произведениям Юрия Кузнецова. Только у него не характерная для этого жанра описательность в рамках сюжета с определённым выводом. Кажется, и здесь действует принцип взрывной волны, когда вполне конкретные образы, вроде бы ничем не связанные, сцеплены продолжением только поэту понятной мысли, а мы же принуждены возвращаться к сказанному, пытаюсь угадать и так до конца не угадывая, что открылось ему и чему мы верим уже на подсознательном уровне.

*О близкой смерти я гадал по звуку.
Как страшно в этом мраке погибать!
– Взойди, светило! – протянул я руку,
И пули стали руку огибать.*

Среди произведений Юрия Кузнецова о Великой Отечественной выделит бы стихотворение, где, на мой взгляд, сошлось весьма многое, характерное для кузнецовской поэтики, и где обозначены основные моменты его творческой манеры. Речь о написанном ещё в 1979 году: «Солнце с запада всходит крестом...» Пересказывать стихи пустое дело, а здесь тем более, когда такое смещение времён, когда автор волен, представляется, распоряжаться признанными знаками русского бытия, без коих не устояла бы наша земля под ударами пришлых стихий. Самая страшная из них –

*«Дранг нах Остен! – Адольф произнёс. –
Перед нами отступит мороз.
Мы стоим у шарнира эпохи.
Голос крови превыше небес.
Киев пал, русский флот не воскрес,
И дела у Иосифа плохи!».*

Всё так, да не так! Взрывная волна горя и смертей вызывает к жизни и к сопротивлению дух народный, поэт провидит те силы, что скрыты, но они есть, они объявятся, они неодолимы. И в урочный час: «Слава родине, хата не в счёт!..»

И вот пробуждается Егорий:

*Все мы вскормлены грудью... – Но он
Отвечает: – Я духом вспоён,
Русским духом великой печали.
Много лет под землёй я лежал,
Сквозь пустую тростинку дышал –
Сквозь неё наши деды дышали.
До сих пор ветровая поёт
Про печали Мазурских болот
И воздушных твердынь Порт-Артура... –
Говорю: – Это старая даль! –
Он вздохнул: – Эта наша печаль,
А печаль – это наша натура.
Я печальник, а ты вырви-гвоздь,
Но порой твоя полая кость
Загудит, как тростинка, от ветра.
Загудит, запоёт, а про что?
В целом мире не знает никто –
Это русская жизнь без ответа.*

Далее накладывается совершенно иной рисунок – и его иносказание не поддаётся разуму. Надо только чувствовать величие завершающих кузнецовских строк о самоотречении ради Победы. Это тот самый один-единственный поэт («Звать меня Кузнецов, я один...»):

*Мне приснилась иная печаль
Про седую дамасскую сталь,
Я увидел, как сталь закалялась,
Как из юных рабов одного
Выбирали, кормили его,
Чтобы плоть его сил набиралась.
Выжидали положенный срок,
А потом раскалённый клинок
В мускулистую плоть погружали,
Вынимали готовый клинок.
Крепче стали не ведал Восток,
Крепче стали и горше печали.
Так ли было, но сон не простой.
Говорю, быть России стальной!.. –
Он подался на кузню Урала.
И, увидев гремящий Урал,
Погрузился в горящий металл,
Чтобы не было крепче металла.
Иногда из мартена-ковша
Как туман возносилась душа
И славянские очи блистали.
Он сказал: – Быть России стальной! –
Дух народа покрылся бронёй:
Пушки-танки из грома и стали...*

Большие формы с военным содержанием, конечно, наиболее полно демонстрируют особенность поэтики Юрия Кузнецова, но мне хотелось показать, что поэт едва ли не с первых своих шагов отправился по пути избранничества. Он видел цель и знал, как к ней идти. Конечно, это рациональное объяснение. На самом деле – всё происходило интуитивно или по воле таланта. Что послужило толчком? Уверен, осознание трагизма собственного одиночества в этом мире. И он, как и его мать, не раз вздрогнет «от той взрывной волны, летящей круто...». Вздрогнет, износив вконец своё сердце...